ХАРУКИ
МУРАКАМИ

Мужчины без женщин

Харуки Мураками
Мужчины без женщин (сборник)
Серия «Мураками-мания»

v 1.0 – создание fb2 – (On84ly)
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21619617
Men without women. Мужчины без женщин: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-097803-8

Аннотация

«Мужчины без женщин» – в самом названии сборника заключен мотив и ключевая идея всех новелл, в него входящих: главные герои – мужчины, те, кого по самым разным обстоятельствам покинули женщины, те, кто потерял любовь всей своей жизни или не добился таковой. Профессор Токийского университета Мицуёси Нумано написал о сборнике так: «После прочтения в подсознании остается блюзовая тоска от невозможности женщинам и мужчинам, пусть даже самым близким, понять души друг друга до конца. Современные люди, потерявшие веру в богов и собственное предназначение, развили в себе так называемый «орган одиночества», помогающий им врать даже тем, кого любишь всем сердцем, и избавиться от этого продукта душевной мутации уже просто не в состоянии».

Содержание

Влюбленный Замза 5
Мужчины без женщин 36
Предисловие 36
Drive My Car 44
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Харуки Мураками
Мужчины без женщин (сборник)

ONNA NO INAI OTOKOTACHI by Haruki Murakami

Copyright © 2014 Haruki Murakami. All rights reserved. Originally published by Bungeishunju Ltd., Tokyo.

KOI SURU ZAMUZA (“Samsa in Love”) by Haruki Murakami

Copyright © Haruki Murakami, 2013. Originally published in Japan in 2013 in the anthology, KOI SHIKUTE: Ten Selected Love Stories, by Chuokoron-Shinsha, Inc., Tokyo.

© Замилов А., перевод на русский язык, 2018

© Немцов М., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Влюбленный Замза

Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, он обнаружил, что у себя в постели превратился в Грегора Замзу.

Лежа навзничь на кровати, он глядел в потолок. Глаза не сразу привыкли к нехватке света. Потолок казался обычным, повседневным, такой найдется где угодно. Некогда его выкрасили в белый, хотя возможно – и в бледно-кремовый. Пыль и грязь копились, однако, годами, и теперь он больше напоминал цвет скисшего молока. Никакого орнамента, взгляду не попадались никакие его черты. Он ничем не противоречил, ничего не сообщал. Выполнял свою структурную функцию и не притязал ни на что большее.

В одной стене комнаты было высокое окно – слева, но штору с него сняли и через всю раму заколотили изнутри толстыми досками. Между ними оставили горизонтальную щель шириной в несколько сантиметров – намеренно или нет, оставалось неясным; лучи утреннего солнца проникали внутрь и отбрасывали на пол ряд ярких параллельных линий. Зачем окно так основательно забаррикадировали? Чтоб никто не забрался? Или никто (вроде него) не выбрался? Или надвигается сильная буря или смерч?

По-прежнему лежа на спине, он, слегка вращая шеей и глазами, осмотрел всю остальную комнату. Никакой мебели

не увидел, помимо кровати, на которой лежал сам. Ни комода, ни письменного стола, ни кресла. На стенах ни единой картины, часов или зеркала. Не было даже светильников. Да и на полу – ни ковра, ни дорожки. Лишь голое дерево. Стены оклеены обоями со сложным узором, но старыми и выцветшими, поэтому в слабом свете почти невозможно разглядеть, что это за узор.

Справа от него располагалась дверь – в стене напротив окна. Латунная ручка местами поцарапалась. Похоже, эта комната некогда служила обычной спальней. Однако теперь ее лишили всех признаков человеческой жизни. Посреди комнаты осталась только эта одинокая кровать. И на ней не было белья. Ни простыней, ни покрывала, ни подушки. Лишь голый потрепанный матрас.

Замза понятия не имел, где он и что ему следует делать. С трудом осознал лишь одно – теперь он человек по имени Грегор Замза. А это он откуда знает? Быть может, кто-то ему нашептал об этом на ухо, пока он спал?

Но кем же он был, прежде чем стать Грегором Замзой? Чем он был?

Впрочем, стоило ему задуматься над этим вопросом, как сознание потускнело, а в голове зароилось нечто вроде черного столба мошкары. Столб становился все толще и гуще, подкрадываясь к участку его мозга помягче, непрестанно жужжа. Замза бросил эту затею. Глубокие мысли оказались для него в ту минуту непосильным бременем.

Так или иначе, теперь ему предстояло научиться двигаться. Нельзя же вечно лежать, пялясь в потолок. В такой позе он слишком беззащитен. Нападут на него враги – да хоть те же хищные птицы – и шансов выжить никаких. Для начала он решил пошевелить пальцами. Их было десять – длинных, приделанных к концам рук. Каждый оборудован сколькими-то суставами, и управлять ими оказалось совсем непросто. К тому же все тело его онемело, словно его погрузили в липкую плотную жидкость, поэтому передать усилие конечностям тоже оказалось трудно.

Тем не менее, закрыв глаза и сосредоточившись, после нескольких неудачных попыток он вскоре смог свободно шевелить пальцами. Пусть не сразу, но разобрался, как действовать ими вместе. Когда заработали кончики пальцев, онемелость, окутавшая все его тело, отступила. На смену ей, как темный и зловещий риф, оголенный отливом, пришла мучительная боль.

Не сразу Замза осознал, что боль эта – голод. Такое ненасытное желание пищи было ему внове – или же он, по крайней мере, не помнил, что нечто подобное переживал. Он как будто ничего не ел целую неделю. Словно вся сердцевина его тела обратилась в полую пещеру. Поскрипывали кости, сжимались мышцы, тут и там судорожно подергивались внутренние органы.

Не в силах больше терпеть эту боль, Замза оперся локтями на матрас и мало-помалу приподнялся. При этом несколько

раз глухо и ужасающе треснул позвоночник. Вот так так, подумал Замза, сколько ж я здесь эдак пролежал? Каждая частица его тела громко протестовала против любой попытки подняться и вообще хоть как-то сменить позу. Но он, собрав воедино все свои силы, тянулся, превозмогая боль, пока ему наконец не удалось сесть.

Замза смятенно оглядел свое нагое тело, а что не было видно – ощупал руками. Какое же оно неуклюжее! К тому же полностью беззащитное. Гладкая белая кожа (покрытая неубедительным количеством волос), сквозь нее видны хрупкие синеватые кровеносные сосуды; мягкий незащищенный живот; нелепые гениталии невозможной формы; тощие и длинные руки и ноги (всего по две штуки!); тощая ломкая шея; громадная уродливая голова с путаницей жестких волос на макушке; два абсурдных уха, торчащие по бокам, как пара морских ракушек. И вот это вот – действительно он? Способно ли такое несообразное тело, которое так легко уничтожить (никакого защитного панциря, никакого наступательного вооружения), выжить в этом мире? Почему он не превратился в рыбу? Или в подсолнух? В рыбе или подсолнухе есть смысл. Больше смысла, во всяком случае, чем в этом человеке по имени Грегор Замза. Иначе на это никак не посмотреть.

И все же, собравшись с духом, он спустил ноги за край кровати, пока подошвы его не коснулись пола. От внезапного холода голого дерева он ахнул. Первые болезненные по-

пытки подняться закончились неудачей, но затем, несколько раз ушибившись, он изловчился встать на ноги. Замза стоял, весь больной и измученный, одной рукой вцепившись в раму кровати. Однако очень быстро голова его необычайно потяжелела, и поддерживать ее стало трудно. Под мышками вспотело, а гениталии съежились от напряжения. Он несколько раз глубоко вздохнул, нужно было расслабить скованное тело.

Раз он привык стоять, теперь следовало научиться ходить. На двух ногах перемещаться было пыткой – каждое движение вызывало боль. С какой стороны ни посмотри, а двигать правой и левой ногами, одной за другой, занятием было причудливым – это попирало все законы природы, а от опасного расстояния между глазами и полом он весь в страхе сжимался. Пытался понять, как связаны движения бедер и коленных суставов – на первых порах координировать эти движения было очень сложно. При всяком его шаге вперед колени тряслись от боязни упасть, и ему приходилось обеими руками держаться за стену.

Но он знал, что навеки остаться в этой комнате не сможет. Если не найдет нужной пищи – и быстро притом, – его изголодавшийся живот пожрет его собственную плоть, уничтожит ее.

Он доковылял до двери, все время цепляясь за стену. Казалось, путешествие это заняло много часов, хотя он не знал, чем и как измерять время. Но как бы то ни было – очень дол-

го. Об этом ему ни на миг не давала забыть вся эта боль. Движения его были неловки, шаг – неуверенным. Ему постоянно требовалась опора. Со стороны, хоть и с большой натяжкой, его могли бы принять за инвалида. Однако, несмотря на неудобства, с каждым новым шагом он все лучше понимал, как работают его суставы и мышцы.

Он схватился за дверную ручку и потянул. Дверь не поддалась. Толкнул – то же самое. Затем он повернул ручку вправо и потянул. Дверь с легким скрипом приоткрылась. Она оказалась не заперта. Замза высунул голову в щель и выглянул. В коридоре никого. Там было тихо, как на дне океана. Он просунул в щель левую ногу, подался телом вперед, не отрывая одной руки от косяка, и подтянул следом правую ногу. Потихоньку заковылял босиком по коридору, держась руками за стены.

В коридор выходило четыре двери, считая и ту, которую он только что открыл. Все похожи друг на друга, из того же темного дерева. Что – или кто – есть за ними? Ему хотелось их открыть и выяснить это. Быть может, тогда он хоть как-то начнет понимать непостижимые обстоятельства, в которых оказался. Или хотя бы сможет отыскать какую-то нить к их разгадке. Тем не менее мимо каждой он проходил, стараясь как можно меньше шуметь. Его любопытство превозмогала нужда чем-то набить желудок. Ему следовало как можно скорее заполнить чем-то существенным зловещую полость, что разверзлась в его теле.

И он теперь знал, где отыскать это существенное. Просто иди на запах, подумал он, принюхиваясь. Пахло приготовленной едой – крохотные частички этого аромата неслись к нему по воздуху и неистово врезались в слизистую оболочку носа, что мгновенно передавалось мозгу, – и от них вспыхнуло такое яркое предвкушение, такая яростная тяга, что желудок скрутило, словно его пытал опытный инквизитор. Рот затопило слюной.

Чтобы достигнуть источника запаха, однако, ему придется спуститься по лестнице. Ему и по ровному-то полу было трудно перемещаться. А преодолеть эти семнадцать ступенек – совсем кошмар. Обеими руками Замза схватился за перила и приступил к спуску. Худые лодыжки готовы были подломиться под его тяжестью, и он несколько раз чуть было не покатился кубарем вниз. А когда всякий раз изгибал тело, чтобы не упасть, все кости и мышцы у него стонали от боли.

О чем же думал Замза, с таким трудом спускаясь по лестнице? Главным образом – о рыбе и подсолнухах. Превратись я в рыбу или подсолнух, думал он, жил бы себе спокойно, а не мучился вот так вот на ступеньках. Какое отношение ко мне имеет подобное беспредельно опасное занятие, да еще и в таком неестественном виде? Полная бессмыслица.

Достигши нижней, семнадцатой ступеньки, Замза выпрямился, призвал на подмогу все оставшиеся силы и поковылял на манящий запах. Он пересек вестибюль с высоким потолком и шагнул в раскрытые двери столовой. На большом

овальном столе была разложена еда. Стояли пять стульев, но вокруг – ни души. От блюд подымались белые пряди пара. Центр стола занимала стеклянная ваза с дюжиной лилий. У четырех мест лежали белые салфетки и приборы – нетронутые, судя по виду. Казалось, люди сели завтракать, но некое внезапное и непредвиденное событие заставило их встать из-за стола. Они поднялись и куда-то исчезли – и произошло это буквально только что. Что случилось? Куда они делись? Или их забрали? Вернутся ли они доедать завтрак?

Но у Замзы не было времени обо всем этом рассуждать. Рухнув на ближайший стул, он голыми руками стал хватать любую еду, до какой мог дотянуться, и запихивать себе в рот, не обращая внимания на ножи, ложки, вилки и салфетки. Хлеб он рвал на куски и пожирал его без конфитюра или масла, целиком заглатывал толстые сардельки, поглощал крутые яйца с такой скоростью, что едва не забывал их чистить, загребал горсти еще теплого картофельного пюре и пальцами подцеплял маринованные огурчики. Все это он жевал вместе, а остатки запивал водой из кувшина. Вкус не имел значения. Пресный или пряный, острый или кислый – ему все было едино. Главное – заполнить полость у него внутри. Ел он самозабвенно, словно бы на скорость. Так увлекся он едой, что в какой-то миг, облизывая пальцы, по ошибке впился в них зубами. Повсюду разлетались объедки, а когда на пол упало и вдребезги разбилось большое блюдо, он не обратил на это совершенно никакого внимания.

Обеденный стол теперь выглядел ужасно. Как будто в открытое окно налетела стая сварливых ворон, наелась до отвала и унеслась прочь. Когда сам Замза насытился и откинулся на спинку стула, переводя дыхание, на столе почти ничего не осталось. Нетронутой стояла лишь ваза с лилиями; будь там меньше еды, он бы сожрал и их. Вот до чего он проголодался.

Долгое время он сидел рассеянно, витая в облаках. Опустив руки на стол и еле дыша, он пялился сквозь опущенные ресницы на лилии. Насыщение подступало медленно, словно приливная волна. Он ощущал, как его полость постепенно наполняется, вытесняя пустоту.

Он взял металлический кофейник и налил кофе в белую керамическую чашку. Пикантный аромат что-то напоминал ему. Но сразу он не вспомнил; память возвращалась толчками, смутные воспоминания постепенно сменялись более четкими. Странное то было чувство – как будто он из будущего припоминал настоящее. Словно бы время как-то раскололось надвое, и память и опыт теперь вращались замкнутым кругом, одно следом за другим. В кофе он налил побольше сливок, размешал пальцем и выпил. Хотя кофе остыл, какое-то тепло в нем еще оставалось. Он подержал жидкость во рту, затем осторожно пустил ее ручейком себе в глотку. И понял, что это его несколько успокаивает.

Как вдруг ему стало холодно. Сила голода затмила собою

все остальные его чувства. Теперь же, когда он насытился, утренняя прохлада студила ему кожу, и он задрожал. Огонь в камине погас. Отопление, похоже, не включали. А помимо прочего он был совсем гол – и даже бос.

Он осознал: надо найти, что можно на себя накинуть. Так было слишком холодно. И не очень прилично, чтобы предстать перед людьми. Могут постучать в дверь. Или те, кто садился завтракать, вернутся. Кто знает, как они себя поведут, застав его в таком виде?

Все это он понимал. Не подозревал, не воспринимал интеллектом – он просто это знал, чисто и ясно. Замза понятия не имел, откуда у него это осознание. Быть может, это часть тех вращавшихся у него в голове воспоминаний.

Он поднялся со стула и вышел в вестибюль. Движения его по-прежнему были неуклюжи и медленны, но теперь он хотя бы мог стоять и перемещаться на двух ногах, ни за что не хватаясь. В вестибюле была чугунная стойка для зонтиков, из которой также торчало несколько прогулочных тростей. Он вытащил черную, из бархатного дуба – с ней будет легче передвигаться; лишь взявшись за ее крепкую рукоять, он несколько успокоился и приободрился. Теперь у него есть оружие – отбиваться. Если на него нападут птицы. Он подошел к окну и выглянул в щель между кружевными занавесками.

Дом стоял на улице. Улица не очень широкая. И людей на ней было немного. Тем не менее он отметил, что все про-

хожие полностью одеты. Одежда была разнообразных цветов и стилей. У мужчин и женщин одеянья разные. Ноги закрыты обувью из жесткой кожи. Некоторые щеголяли в ярко начищенных сапогах. Он слышал, как по брусчатке щелкают их подошвы. И все прохожие в шляпах. Казалось, перемещаться на двух ногах и прикрывать себе гениталии – для них пустяк. Замза сравнил свое отражение в высоком зеркале вестибюля с людьми, ходившими снаружи. Человек в зеркале перед ним был существом ничтожным и хрупким. Живот вымазан подливой, а хлебные крошки запутались в волосах его промежности, как клочья ваты. Рукой он стер с себя грязь.

Да, снова подумал он, я должен найти, чем прикрыться.

Он еще раз выглянул на улицу – нет ли где птиц. Но птиц видно не было.

Первый этаж дома состоял из вестибюля, столовой, кухни и гостиной. Но ни в одном из этих помещений он не обнаружил ничего напоминающего одежду. Выходит, люди здесь не переодевались, а хранили одежду этажом выше.

Замза собрался с духом и принялся карабкаться по лестнице. С удивлением он обнаружил, насколько легче ему подниматься, чем было спускаться. Вцепившись в перила, он сумел преодолеть эти семнадцать ступеней вверх гораздо быстрей и без лишних боли или страха, а останавливался по пути всего несколько раз (хоть никогда не надолго), чтобы отдышаться.

Можно сказать, ему повезло – ни одна дверь на втором этаже не была заперта. Ему следовало лишь повернуть ручку и толкнуть – и каждая дверь распахивалась. Всего было четыре комнаты, и помимо той холодной с голым полом, где он проснулся, все оказались удобно меблированы. В каждой стояла кровать со свежим на вид бельем, комод, письменный стол, к потолку или стене крепилась лампа, а пол укрывал ковер с причудливым узором. Все было опрятно и чисто. На полках аккуратно выстроены книги, а стены украшены пейзажами маслом в рамах: непременно белесая скала на взморье и проплывающие облака на высоком синем небе – будто сахарная вата. В каждой комнате – стеклянная ваза с яркими цветами. Ни в одной окна не забиты грубым досками. Здесь висели кружевные занавески, сквозь которые, словно благодеянье свыше, лился солнечный свет. Все постели выказывали, что в них кто-то спал. Он видел вмятины от голов на подушках.

В чулане самой большой комнаты Замза нашел халат себе по размеру – и понадеялся, что разберется, как его надеть. Он понятия не имел, что ему делать с другой одеждой, как облачаться в нее, в каком сочетании носить. Она попросту была слишком сложна для него: чересчур много пуговиц, перво-наперво, и он не был уверен, что отличит перед от зада или верх от низа. И в чем разница между верхней одеждой и нательным бельем? Халат же, напротив, был прост, практичен и вполне лишен узоров – как раз с таким, думал он,

справиться удастся. Его легкая мягкая ткань приятно касалась его кожи, а цвет был темно-синий. Замза даже подобрал себе тапочки ему в тон.

Он натянул халат на голое тело и после множества проб и ошибок сумел закрепить на талии пояс. Посмотрел на себя в зеркало – ныне облаченный в халат и тапочки. Определенно лучше, чем расхаживать голышом. Овладение искусством носить одежду потребует внимательного наблюдения и значительного времени. Пока же единственный выход – этот халат. Нельзя сказать, что достаточно теплый, но вполне сносный, чтобы не замерзнуть в доме. А лучше всего в нем то, что больше не нужно беспокоиться, что его мягкая кожа окажется беззащитной перед злобными птицами.

Когда прозвонил дверной колокольчик, Замза дремал в самой большой комнате (и на самой большой кровати) в доме. Под пуховыми одеялами было тепло и так уютно, словно он спал в яйце. Перед тем как он проснулся, ему снился сон. Подробностей он не запомнил, но сон был приятный и добрый. А вот звон колокольчика, эхом разнесшийся по всему дому, выдернул его назад в холодную действительность.

Он слез с кровати, запахнул на себе халат, надел темно-синие тапочки, схватил черную трость и, не отрывая руки от перил, заковылял вниз по лестнице. Оказалось, теперь это гораздо легче, нежели в первый раз. Но все равно он мог упасть в любой момент. И потому должен быть очень осто-

рожен. Не отрывая взгляда от своих ног, Замза преодолевал одну ступеньку за другой, а дверной звонок все заливался. Тот, кто жал на его кнопку, наверняка личностью был весьма нетерпеливой и упрямой.

Держа трость в левой руке, Замза приблизился к входной двери. Ручку он повернул вправо, потянул, и дверь открылась.

Снаружи стояла маленькая женщина. Очень маленькая женщина. Удивительно, как вообще она могла дотянуться до кнопки звонка. Присмотревшись внимательней, Замза понял, что дело тут вовсе не в ее размере. А в спине, согнутой вперед вечной дугой. От этого она и выглядела маленькой, хотя тело ее было вообще-то обычного размера. Волосы себе она перетянула сзади резинкой, чтобы не падали на лицо. И те у нее были темно-каштановыми и очень густыми. Она была одета в потертый твидовый пиджак и широкую мешковатую юбку, скрывавшую ноги до лодыжек. На шее повязан полосатый хлопковый шарф. И она была без шляпы. Ботинки – высокие, на шнуровке, а лет ей, судя по виду, где-то чуть за двадцать. В ней до сих пор чувствовалось что-то от девочки. Глаза большие, носик маленький, а губы немного кривились на одну сторону, словно тощий полумесяц. Через весь лоб темные брови чертили две прямые, отчего вид у нее был скептический.

– Здесь проживает Замза? – спросила женщина, изогнув шею, чтобы посмотреть на него. После чего изогнулась уже

всем телом. Совсем так же изгибается земля при свирепом землетрясении.

Поначалу он опешил, но взял себя в руки.

– Да, – сказал он. Раз он Грегор Замза, тут Замза, вероятно, и проживает. Так или иначе, особого вреда в таком ответе быть не могло.

Однако женщина, похоже, сочла его ответ менее чем удовлетворительным. Лоб ее чуть нахмурился. Вероятно, в голосе его она уловила нотку смятения.

– Так здесь в самом деле проживает Замза? – резко переспросила она. Так опытный привратник допрашивает неопрятного посетителя.

– Я – Грегор Замза, – сказал Замза как можно легче и небрежнее. Хотя бы в этом он был вполне уверен.

– Тогда ладно, – сказала она, потянувшись к матерчатой сумке у ног. Та была черной и вроде бы очень тяжелой. Местами протертая насквозь, она, несомненно, сменила много хозяев. – Ну что ж, посмотрим.

Она вошла в дом, не дожидаясь ответа. Замза закрыл за ней дверь. Женщина встала и оглядела его с головы до пят. Казалось, его халат и тапочки возбудили в ней подозрения.

– Должно быть, я потревожила ваш сон, – холодно произнесла она.

– Ничего. Пустяки, – ответил Замза. По ее хмурому лицу он понимал, что его одеяние мало соответствует случаю. – Должен извиниться за свой внешний вид, – продолжал он. –

Тому были причины…

Женщина не обратила на это внимания.

– Ну и? – произнесла она, не разжимая губ.

– Ну и? – повторил за нею Замза.

– Ну и где тот замок, что доставляет вам хлопоты? – сказала женщина.

– Замок?

– Замок, который у вас поломался, – сказала она. Раздражение ее было очевидно с самого начала. – Вы нас попросили прийти и отремонтировать его.

– А-а, – произнес Замза. – Сломанный замок.

Замза напряг все свои мысли. Но едва ему удавалось сосредоточиться на чем-то одном, как вновь вздымался черный столб мошкары.

– О замке я ничего особого не слышал, – сказал наконец он. – Должно быть, от какой-то двери на втором этаже.

Женщина сердито посмотрела на него.

– Должно быть? – переспросила она, вглядываясь ему в лицо. В ее голосе зазвучало еще больше льда. Изумленно вздела одна бровь. – От какой-то двери? – продолжила она.

Замза почувствовал, как заливается краской. Очень неловко ничего не знать о замке. Он откашлялся, чтобы заговорить, но слов не получилось.

– Господин Замза, ваши родители дома? Думаю, мне лучше поговорить с ними.

– Они, судя по всему, ушли по делам, – сказал Замза.

– По делам? – переспросила она ошеломленно. – Какие могут быть дела, когда вокруг творится такое?

– Понятия не имею. Когда я утром проснулся, никого уже не было, – ответил Замза.

– Ну-ну, – буркнула молодая женщина. Затем протяжно вздохнула. – Мы же их предупредили заранее, что придем сегодня утром в это время.

– Мне очень жаль.

Женщина постояла несколько минут просто так. Затем медленно вздетая бровь ее опустилась, и она перевела взгляд на черную трость в левой руке Замзы.

– Вас ноги беспокоят, господин Грегор?

– Да, немного, – уклончиво ответил он.

Женщина опять внезапно вся извернулась. Замза не имел ни малейшего понятия, что означает это действие или какова его цель. Однако сложная последовательность ее движений его инстинктивно притягивала.

– Ну, что ж делать, – смиренно произнесла девушка. – Давайте поглядим, что там с замком на втором этаже. Я пришла сюда через весь город, перебралась через мост – при том, что вокруг творится такое. Больше того, жизнью рисковала. Поэтому как-то нет смысла говорить: «Ах вот как, никого нет дома? Ну, позже загляну», – и идти домой, ведь так?

Вокруг творится такое? Замза никак не мог понять, о чем она толкует. Что вообще творится вокруг? Но он решил подробностей у нее не выяснять. Еще большего своего невеже-

ства лучше бы не проявлять.

Девушка с согнутой спиной взяла тяжелую черную сумку в правую руку и с трудом потащила ее вверх по лестнице, словно некое ползучее насекомое. Замза поковылял за нею следом, не отрывая руку от перил. Ее ползучая походка возбудила в нем сочувствие – она ему что-то напоминала.

Девушка встала на вершине лестницы и окинула взглядом коридор.

– Значит, – сказала она, – у одной из этих дверей, вероятно, сломан замок, так?

Замза покраснел.

– Да, – ответил он. – У одной. Может статься – у той, что в конце коридора, слева. Кажется, – запнувшись, добавил он. То была дверь в голую комнату, где он проснулся утром.

– Кажется, – повторила женщина голосом безжизненным, как залитый костер. – Может статься. – Она повернулась и всмотрелась Замзе в лицо.

– Так или иначе, – сказал Замза.

Девушка опять вздохнула.

– Грегор Замза, – сухо сказала она. – Разговаривать с вами – сплошная радость. Такой богатый словарный запас, меткие высказывания. – Затем интонация у нее изменилась. – Но не важно. Давайте первой проверим дверь слева в конце коридора.

Девушка подошла к двери. Повернула ручку туда-сюда,

толкнула, дверь открылась внутрь. Комната за ней была такой же, как и раньше. Из мебели – одна кровать, прямо в центре, напоминала одинокий остров посреди морского течения. На кровати – лишь голый и не очень чистый матрас, на котором он проснулся Грегором Замзой. И это – не сон. Пол тоже был леденяще гол. Окно заколочено досками. Должно быть, девушка все это заметила, но не выказала ни признака удивления. Будто подобные комнаты можно найти по всему городу.

Она присела на корточки, раскрыла черную сумку, вытащила из нее кремового цвета фланель и расстелила тряпицу на полу. Затем вынула несколько инструментов и тщательно разложила их на тряпке – так матерый мучитель выставляет зловещие инструменты своего пыточного ремесла напоказ перед каким-нибудь несчастным мучеником.

Выбрав проволоку средней толщины, она ввела ее в замок и опытной рукой пошурудила в нем под разными углами. Глаза ее сосредоточенно сощурились, уши насторожились, ожидая малейшего звука. Затем она взяла проволоку потоньше и повторила процедуру. Лицо ее помрачнело, а рот безжалостно скривился, словно китайская сабля. Она вынула фонарик и принялась сурово осматривать замок.

– У вас есть ключ к этому замку? – спросила она Замзу.

– Понятия не имею, где этот ключ, – честно ответил он.

– Ах, Грегор Замза, послушаешь вас – и хоть ложись да помирай, – сказала она, обратив взгляд к потолку.

После этого совершенно перестала обращать на него внимание. Перебрав инструменты, разложенные на фланели, она выбрала отвертку и взялась вынимать замок из двери. Чтобы не повредить шлиц, движения ее были медленны и тщательны. Время от времени она прерывалась, чтобы покорчиться и по-извиваться, как раньше.

Стоя у нее за спиной и наблюдая, как она эдак вот движется, Замза поймал себя на том, что и его тело начинает как-то странно реагировать. Всего его охватил жар, а ноздри его раздувались. Во рту так пересохло, что, сглатывая всякий раз, он слышал треск за ушами. Чесались мочки. А половой орган его, который доселе так неряшливо болтался, начал отвердевать и увеличиваться. Пока он поднимался, спереди на халате у Замзы рос бугор. Однако сам он не очень понимал, что это может означать.

Вынув замок, девушка поднесла его к окну рассмотреть в солнечном свете, что сиял между досок. Она потыкала в замок тонкой проволочкой, резко встряхнула его и прислушалась – лицо мрачное, губы сжаты. Наконец она снова вздохнула и повернулась к Замзе.

– Ну все, механизму конец, – сказала она. – Ты был прав – ему кранты.

– Это хорошо, – произнес Замза.

– Но не настолько, – возразила женщина. – Отремонтировать на месте я его никак не могу. Это особый замок. Мне нужно забрать его с собой – пусть его посмотрят отец или

кто-нибудь из братьев. Может, им удастся починить, а я бессильна. Пока что я просто подмастерье, справляюсь только с обычными замками.

– Понятно, – сказал Замза. Так у этой девушки, значит, отец и несколько братьев. Целая слесарная семья.

– Вообще-то сегодня сюда должен был прийти отец или кто-нибудь из братьев, но из-за волнений они послали меня. По всему городу блокпосты. – Она вздохнула полной грудью еще раз и опять посмотрела на замок в руках. – Но как же он так поломался-то? Чудно́. Должно быть, кто-то долбил его чем-то изнутри. Иначе никак не объяснишь.

И вновь ее всю передернуло. Руки ее завращались так, словно она была пловчихой, тренирующейся плавать в новом стиле. Замзу ее действия завораживали и очень возбуждали.

И вот он наконец решился.

– Ничего, если я задам вопрос? – спросил он.

– Вопрос? – переспросила она, с сомнением глянув на него. – Даже представить себе не могу, какой, но валяй.

– Почему вы иногда так извиваетесь?

Девушка воззрилась на Замзу с полуоткрытым ртом.

– Извиваюсь? – На миг она задумалась. – В смысле – вот так? – И она показала ему движение.

– Да, вот так.

Некоторое время девушка смотрела на Замзу испытующе и пристально, а затем кисло произнесла:

– Лифчик постоянно съезжает. Только и всего.

– Лифчик? – тупо повторил за ней Замза. Такое слово у него в памяти не отыскивалось.

– Лифчик. Ведь знаешь, что это, так же? – сказала девушка. – Или что, считаешь странным, что горбатая женщина носит лифчик? Ах, какая самоуверенность, да?

– Горбатая? – повторил Замза. Вот еще одно слово засосало в ту обширную пустоту, что он носил у себя внутри. Он понятия не имел, о чем она говорит. Но все равно знал – он должен что-то ответить. – Нет, я вовсе так не считаю, – промямлил он, как бы оправдываясь.

– Знаешь, у нас, у горбуний, тоже есть две груди, как и у других женщин, и нам приходится носить лифчики, чтобы их удерживать. Не можем же мы ходить, как коровы с болтающимся выменем.

– Конечно, нет, – вставил Замза, так ничего и не понимая.

– Но для нас лифчиков не делают – они на нас висят. Мы сложены иначе, не как обычные женщины. Поэтому нам время от времени приходится изворачиваться, чтобы поправить лямки. Быть горбатой женщиной куда сложнее, чем ты себе можешь представить. Практически во всем. И пялиться на такую вот, как я, сзади – что, приятно? интересно?

– Нет, вовсе нет. Мне просто вдруг стало любопытно, зачем вы так делаете.

Стало быть, заключил он, лифчик – это устройство, предназначенное для удерживания грудей на месте, а горбунья – человек, сложенный так же, как эта женщина. Столькому на

свете еще нужно научиться.

– Ты точно не делаешь из меня дуру? – спросила девушка.

– Не делаю.

Девушка склонила набок голову и посмотрела на Замзу снизу вверх. Она понимала, что он говорит правду – в нем не чувствовалось никакой злобы.

«Он просто головою немного слаб, вот и все, – подумала она. – Но видно, что из хорошей семьи, на вид ничего так себе – симпатичный, пусть немного тщедушен и бледен, зато вежливый. Большие уши – это ничего. Сколько ему? Лет тридцать?»

И вот тут впервые она заметила выступ, торчавший в нижней области его халата.

– А это еще что за ерунда? – каменным тоном произнесла она. – Что там за бугор?

Замза опустил взгляд на халат. Орган его уже очень распух. По ее тону он мог заключить, что такое его состояние почему-то неуместно на людях.

– Понятно, – рявкнула она. – Вам интересно, каково это – ебать горбатенькую, так?

– Ебать? – переспросил он. Вот еще одно непонятное слово.

– Воображаешь, раз горбатенькая согнута пополам, ее удобно просто взять сзади, и все, так? – сказала девушка. – Поверь, вокруг полно извращенцев, и все они, похоже, думают, раз я такая, то позволю им делать с собой все, что за-

благорассудится. Дудки, господин невезунчик, вы в пролете. Не все так просто!

– Не знаю, чем, – произнес Замза, – но если я вас както обидел, мне очень неловко за это. Прошу меня извинить. Простите меня, пожалуйста. Я не хотел плохого. Я долго хворал и многого еще не понимаю.

– Ладно, – опять вздохнула она. – Все с тобой ясно. Ты просто такой – недотепа, да? И только писюн – бодряком. Что с тебя взять.

– Извините, – снова сказал Замза.

– Не стоит, – смягчилась она. – У меня дома четверо никчемных братцев, и они мне еще в детстве все показали. Онито считают, все это – одна сплошная шутка. Те еще мудаки, все до единого. Поэтому я не шучу, когда говорю, что уж знаю, что тут почем.

Она присела на корточки и стала складывать инструменты в сумку, затем обернула сломанный замок во фланелевую тряпку и аккуратно положила его туда же.

– Замок я беру с собой, – сказала она, выпрямляясь. – Скажи родителям. Мы его либо починим, либо придется менять на новый. Но если подыскивать новый, теперь это может затянуться. Вернутся родители, так им и скажи. Понятно? Только не забудь.

– Не забуду, – ответил Замза.

Девушка медленно спустилась по лестнице, Замза ковылял следом. Вместе они представляли собой полную про-

тивоположность друг другу: она будто ползла на четвереньках, а он на ходу откидывался назад крайне неестественным манером. Однако скорость у них была одинакова. Тем временем Замза изо всех сил старался подавить свой «бугор», но эта штука никак не желала возвращаться в прежнее состояние. Он наблюдал сзади за движениями девушки, пока та спускалась, и сердце у него колотилось. Жаркая свежая кровь струилась по его венам. Упорный бугор не увядал.

– Я уже говорила, сегодня должен был прийти отец или кто-то из моих братьев, – сказала девушка, когда они дошли до парадной двери. – Но на улицах полно солдат, повсюду оцепления из огромных танков. На людей устраивают облавы. На «Мосту» соорудили блокпост. Поэтому мужчины моей семьи и не могут выйти наружу. Если арестуют, нипочем не скажешь, когда вернешься. Ведь страшно! Поэтому отправили меня. Через всю Прагу, одну. «На горбатую девушку никто не обратит внимания», – сказали они. Вот и с таким телом я иногда бываю полезной.

– Танки? – рассеянно повторил Замза.

– Ага, и много. Танки с пушками и пулеметами. У тебя-то пушка внушительная, – сказала она, показывая на бугор у него под халатом, – но те пушки больше и тверже – и гораздо смертоноснее. Будем надеяться, все твои вернутся в целости и сохранности. Ты честно не знаешь, куда они ушли, да?

Замза покачал головой. Он честно не знал.

И тут решил взять быка за рога.

– Можно ли нам будет встретиться опять? – спросил он.

Девушка изогнула шею, глядя на Замзу.

– То есть ты хочешь снова меня увидеть?

– Да. Я хочу увидеть вас еще раз.

– С этой торчащей штукой?

Замза опять посмотрел вниз на бугор.

– Я не знаю, как это объяснить, но это не имеет ничего общего с моими чувствами. Должно быть, неполадки с сердцем.

– Да ну, – произнесла она, явно под впечатлением. – Неполадки с сердцем, говорите. Это интересный взгляд. Такого я раньше никогда не слышала.

– Понимаете, мне это неподвластно.

– И не имеет никакого отношения к ебле?

– О ебле я совсем не думал. Правда.

– Ты хочешь сказать, что когда эта штука у тебя вырастает и эдак твердеет, то на нее, если не брать в расчет мысли о ебле, влияет не ум твой, а сердце?

Замза согласно кивнул.

– Ей-богу?

– Бог, – повторил Замза. Вот еще одно слово, которого раньше он, похоже, не слышал. Он замолчал.

Девушка бессильно качнула головой. Она снова извернулась и крутнулась, чтобы поправить на себе лифчик.

– Ладно, о боге не сто́ит. Видимо, бог оставил Прагу несколько дней назад. Наверно, по очень важному делу. Да-

вай не будем его трогать.

– Так мне можно будет вас снова увидеть? – спросил Замза.

Девушка воздела бровь. Лицо у нее приняло новое выражение – глаза будто бы остановились на каком-то далеком и подернутом дымкой пейзаже.

– Ты честно хочешь увидеть меня снова?

Замза кивнул.

– И что будем делать?

– Можем неспешно поговорить вдвоем.

– Например, о чем? – спросила женщина.

– О многом.

– Просто поговорить?

– Я о многом хочу у вас спросить, – сказал Замза.

– О чем?

– Об этом мире. О вас. Обо мне.

Девушка недолго подумала, а затем спросила:

– Не для того, чтобы просто засунуть туда вот его?

– Не для того, – откровенно ответил Замза. – У меня такое чувство, что нам о многом нужно поговорить. Например, о танках. И боге. И лифчиках. И замках.

Их двоих вновь окутало молчание. Послышался лязг – перед домом тянули телегу: неуловимо гнетущие звуки несчастья.

– Даже не знаю, как нам быть, – наконец произнесла девушка. Она медленно покачала головой, но холод в голосе

ее был уже не так заметен. – Ты лучше меня воспитан. И я сомневаюсь, что твои родители будут рады тому, что их драгоценный сынок якшается с горбуньей вроде меня. Помимо прочего, весь город сейчас кишит иностранными танками и войсками. Кто знает, что нас ждет.

Замза уж точно понятия не имел, что их ждало. Не понимал он вообще ничего: будущего – само собой, но также – настоящего и прошлого. Даже одеваться для него – загадка.

– Так или иначе, я, наверно, приду сюда через несколько дней, – сказала горбатая девушка. – Если мы сможем починить замок, я его принесу, а если нет – все равно его вам верну. К тому же с вас причитается за вызов на дом. Если ты здесь будешь, мы, само собой, увидимся. А сумеем мы с тобой неспешно поговорить об этом мире или нет, я не знаю. Но я бы на твоем месте этот бугор родителям не показывала. В реальном мире не похвалят, если станешь такое выставлять.

Замза кивнул. Он, правда, не очень понимал, как такую штуку можно скрывать от людей. Хотя об этом можно подумать и позже.

– И все-таки странно ведь, да? – задумчиво произнесла девушка. – Мир, можно сказать, разваливается на куски, но все равно остаются люди, кому небезразличен сломанный замок, а другие добросовестно приходят его чинить… Ведь так же? Но, может, это и хорошо. Может, вопреки ожиданиям, так оно и должно быть. Может, единственный способ сохранить

рассудок, когда мир разваливается на куски, – это и дальше выполнять свою работу честно и прилежно?

Девушка посмотрела Замзе в лицо. Взделась одна ее бровь.

– Не хотела бы лезть не в свое дело, но что происходило в той комнате на втором этаже? Зачем твои родители поставили такой большой замок на дверь комнаты, где стоит одна кровать, и почему они так обеспокоились, когда он сломался? И зачем там окно досками забито? Там что-то запирали, да?

Замза покачал головой. Если кого-то или что-то и запирали там, то лишь его самого. Но почему это было необходимо? Он понятия не имел.

– Наверное, нет смысла тебя спрашивать, – сказала девушка. – Ладно, мне пора. Если задержусь, мои будут волноваться. Молиться, чтоб я благополучно дошла через весь город. Что солдаты не обратят внимания на бедную горбатую девушку. Что среди них не окажется извращенцев. Достаточно уже того, что они ебут этот город.

– Я буду молиться, – сказал Замза. Но он не представлял себе, что такое «извращенец». Или вообще-то – «молиться».

Девушка подняла тяжелую черную сумку и, по-прежнему согнувшись, вышла за дверь.

– Я вас еще увижу? – спросил Замза в последний раз.

– Если о ком-то достаточно думать, то вы, конечно, встретитесь опять, – сказала она на прощанье. Теперь в ее голосе

чувствовалась настоящая теплота.

– Берегитесь птиц, – выкрикнул он ей вслед. Она повернулась и кивнула. И, как ему показалось, улыбнулась одним уголком кривых губ.

Через щель между занавесками Замза смотрел, как ее горбатая фигурка движется по брусчатке. Шла она неуклюже, но удивительно быстро. Каждый ее жест он считал чарующим. Она ему напоминала жука-вертячку, который вышел из воды и теперь бегает по суше. С его точки зрения, в таком перемещении, как у нее, смысла гораздо больше, чем ковылять стоймя на двух ногах.

Совсем немного погодя после того, как она скрылась с глаз, он заметил, что гениталии его обмякли и втянулись. Тот краткий и яростный бугор в какой-то миг просто исчез. Теперь его орган болтался между ног невинным фруктом, мирным и беззащитным. Яйца удобно размещались в мошонке. Поправив пояс халата, он сел за обеденный стол и допил остатки холодного кофе.

Люди, здесь жившие, куда-то ушли. Он не знал, кто они такие, но воображал, что они и есть его семья. По какой-то причине они внезапно ушли. Может, никогда больше не вернутся. Что значит «мир разваливается на куски»? Об этом Грегор Замза не имел ни малейшего понятия. Иностранные войска, блокпосты, танки – все это окутано тайной.

Наверняка знал он только одно – он всем сердцем хотел

снова увидеть эту горбатую девушку. Очень-очень хотел увидеть. Сидеть с нею лицом к лицу и разговаривать сколько душе угодно. Распутывать вместе с нею загадки мира. Он хотел со всех сторон наблюдать, как она изгибалась и корчилась, поправляя лифчик. А если можно – и погладить руками ее тело в самых разных местах. Коснуться ее мягкой кожи и кончиками пальцев ощутить ее тепло. Ходить бок о бок с ней вверх и вниз по лестницам этого мира.

От одной мысли о ней у него потеплело внутри. Чем дальше, тем больше Замза радовался, что он не рыба и не подсолнух. Да и не что-то другое. Хорошо быть человеком. Ходить на двух ногах – скорее неудобство, это уж точно, и носить одежду, и есть ножом и вилкой. Он столько всего еще не знает. Однако будь он рыбой или подсолнухом, а не человеком, – вряд ли ощутил бы такое удивительное тепло своего сердца. Так ему казалось.

Замза долго сидел так с закрытыми глазами. Он тихо наслаждался этим теплом, как будто грелся у костра. Затем, решившись, встал, взял черную трость и направился к лестнице. Он вернется на второй этаж и разберется, как нужно одеваться. Такова – по крайней мере, сейчас – его задача.

Мир ждет его успехов в учебе.

Мужчины без женщин

Предисловие

Ни к романам, ни к сборникам рассказов я не люблю добавлять предисловия и послесловия (они получаются или хвастливыми, или излишне оправдательными) и, где можно, стараюсь этого не делать. Но к новому сборнику «Мужчины без женщин» решил добавить пояснения о том, как он создавался. Может, все это излишне, но пусть уж будет такой «производственный отчет». Постараюсь, чтобы не повредило книге, хотя уверенности у меня никакой нет.

Этот сборник – первый за последние девять лет, когда в 2005 году вышли «Токийские легенды». Все эти годы я писал несколько романов, один за другим, и садиться за рассказы настроения не было. Однако весной прошлого (2013-го) года в силу необходимости я наконец сочинил рассказ («Влюбленный Замза»). На удивление, работа оказалась мне в радость (я еще не забыл, как писать рассказы). И вот летом я, подустав от большого формата, решил попробовать написать целый сборник.

Обычно я пишу рассказы в один присест. Если не брать в расчет самое начало моей карьеры, когда у меня еще не сложился метод сочинения рассказов, я почти ничего не пишу

разрозненно для всяких печатных изданий. Тогда мне было удобно создавать рассказы как наброски для романов, а если писать один рассказ для одного, другой – для другого издания, сложно держаться в форме, да и силы распределяются нерационально. Поэтому я настраиваюсь и пишу сразу шесть или семь рассказов. По объему как раз получается на отдельную книжку, и, говоря языком пловцов, легко поймать ритм дыхания.

Сборники «Все божьи дети могут танцевать» и «Токийские легенды» я написал примерно так же: один рассказ за две недели. Три-четыре месяца – и книга готова. Когда пишешь так, при желании можно делать рассказы последовательными или связанными. Не просто складывать их под одну обложку, а подбирать определенную тему или мотив, выстраивать готовые рассказы так, чтобы выдерживалась концепция. Например, мотивом сборника «Все божьи дети могут танцевать» послужило землетрясение в Кобэ 1995 года, «Токийские легенды» – это собрание загадок и причуд, связанных с жизнью в большом городе. Когда есть что-то связующее, пишется несколько проще.

Мотив этого сборника прописан в самом его названии – «Мужчины без женщин». Пока я работал над первым рассказом – «*Drive My Car*», – эта фраза вертелась у меня на языке. Как мелодия – прицепится и никак не отстает, – фраза эта засела у меня в голове. И вот когда первый рассказ был готов, мне захотелось обыграть эту фразу, сделать ее ключе-

вой, чем-то вроде некоего стержня, и окружить ее связанными рассказами. В этом смысле «*Drive My Car*» стал отправной точкой книги.

Услышав фразу «мужчины без женщин», многие читатели вспомнят прекрасный сборник рассказов Эрнеста Хемингуэя. Я тоже, разумеется, вспомнил. Однако в переводе Хироси Таками на японский сборник *«Men Without Women»* получил название «Мир одних мужчин». По моим нынешним ощущениям, лучше было бы перевести его «Мужчины без женщин», а не «Мужчины, у которых нет женщин». Однако эта книга названа прозаично и буквально – «Мужчины, у которых нет женщин»[1]. Те, кого по самым разным обстоятельствам покинули или собираются покинуть женщины.

Почему меня так захватила (а «захватила» – очень точное слово) эта фраза, я даже не знаю. Со мной ничего подобного (к счастью) в последнее время не происходило, у моих близких знакомых – тоже. Просто мне очень хотелось запечатлеть образы и настроения таких мужчин в нескольких различных историях и попробовать их обыграть. Возможно, такова одна из моих нынешних метафор. А может – некое иносказательное пророчество. Или же мне самому не помешает изгнать этого беса. Я сам здесь бессилен что-либо объяснить. Так или иначе, заглавие «Мужчины без женщин» возникло

[1] Так дословно переводится название этого сборника. Однако мы остановимся на более лаконичном и не таком громоздком варианте. – *Здесь и далее прим. переводчика.* Переводчик хотел бы поблагодарить Настю Кратович и Наташу Харебову за лингвистическую поддержку.

с самого начала работы над книгой, и с выбором этим я нисколько не колебался. Иными словами, в глубине души мне очень хотелось написать серию этих рассказов.

Вначале я сочинил *«Drive My Car»* и «Кино». Принес в редакцию журнала «Бунгэй Сюнсю» и спросил, смогут ли они их напечатать. Я уже давно ничего не пишу по заказу. Сперва заканчиваю работу целиком и лишь потом предлагаю в те журнал или издательство, которым это произведение подойдет по духу. А если пишешь по заказу, возникают определенные ограничения по содержанию, объему, срокам, и, как мне кажется, при этом утрачивается некая творческая свобода (может показаться напыщенно, но другого подходящего слова я не нахожу).

Нынешний директор «Бунгэй Сюнсю» Такахиро Хирао помогал мне с прежними публикациями рассказов в этом журнале – раньше он работал там ответственным редактором. Мы с ним давно знакомы. Господин Хирао прочел *«Drive My Car»*, посовещался с редакторами и решил напечатать. После этого я написал *«Yesterday»* и «Независимый орган», полагая, что они тоже попадут на страницы этого журнала. Каждый из них – это 80 листов по 400 знаков, что очень много для рассказа. Но тогда я счел тот объем вполне подходящим. Я не собирался подгонять количество страниц под какой-то объем, но в результате каждый рассказ уложился примерно в 80 листов черновика. Из соображений общего равновесия я поменял местами написанный третьим

рассказ *«Yesteeday»* и второй по счету – «Кино». Работа над «Кино» – даже если не считать затраченные мысленные усилия – оказалась продолжительной. Над этим рассказом мне пришлось изрядно покорпеть, и я несколько раз переписывал его, вплоть до мелочей. Остальные рассказы дались мне намного легче.

Пока я работал над этим сборником, ко мне обратились из литературного альманаха *«Monkey»* (который издается под руководством моего уважаемого друга Мотоюки Сибата) с просьбой написать рассказ для второго номера журнала. Я уже упоминал, что, как правило, не принимаю заказы писать для печати, но как раз в тот момент я так настроился на работу, что согласился, и тут же написал для них «Шахразаду». По порядку этот рассказ создавался между *«Yesterday»* и «Независимым органом», но у меня он получился в совершенно ином ключе, нежели те, что предназначались для «Бунгэй Сюнсю».

Журнал «Бунгэй Сюнсю» – массовый, предназначен для широкого круга читателей, а вот *«Monkey»* – литературный альманах новой формации, он ориентирован на молодежь. Эдакий книжный супермаркет в сравнении с частным газетным киоском. И в этом смысле, предвидя разницу в характере этих изданий, я и сочинил другой по духу рассказ. Он вышел чуть короче – я уложился в 60 листов, что, в общем-то, вполне нормальный объем для короткой прозы. И хоть я писал этот рассказ для другого журнала, мотив «мужчин без

женщин» остался тем же, так что можете считать «Шахразаду» полноценной частью тематического сборника.

В заключение, уже не для журнала, а для, собственно, этого сборника я написал «Мужчины без женщин». Этой книге явно не хватало заглавного рассказа, а завершить ее текстом, так сказать, символически связывающим все остальные, было бы неплохо. Словно после всех предыдущих блюд подать *десерт*.

Для этого небольшого рассказа у меня был и личный незначительный повод, благодаря которому возникло внутреннее представление о том, каким его написать, так что вышло все практически экспромтом и без задержек. Такое в моей жизни иногда случается. Происходит нечто – и мгновенной вспышкой, будто бы от осветительного снаряда, отчетливо, до мельчайших деталей проступает окружающий пейзаж, который обычно не замечаешь: все живые существа и неживые предметы. Я сразу сажусь за стол и на одном дыхании записываю все, что ярко *отпечаталось* у меня в уме, будто на негативе. Впоследствии эти наброски ложатся в основу произведения. Писателю отрадно получить такой опыт, отрадно ощутить, как некая сила перепахивает инстинктивные залежи повествования, хранившиеся у него внутри. Радостно убедиться, что луч озарения действительно существует.

И каждый раз, когда я пишу сборник рассказов, наибольшую радость мне доставляет возможность сравнительно

быстро обыгрывать один за другим разные приемы, стили, ситуации. Я могу писать, рассматривая свой предмет объемно, доискиваясь, проверяя общий мотив под разными углами, использовать разных персонажей и вести повествование от любого лица. И в этом смысле сборник, подобный этому, можно сравнить с концептуальным альбомом в музыке. Над этими рассказами я действительно работал, вспоминая альбомы «Битлз» *«Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band» и «Бич Бойз» «Pet Sounds»*. Что уж тут, очень нескромно, если не сказать – дерзко – ставить свои произведения в один ряд с этими нетленными шедеврами, однако я как автор буду признателен, если при чтении вы не забудете о них и моем намерении.

Я хочу поблагодарить множество безмятежных ив, гибких кошек и красивых женщин, что до сих пор мне встречались на жизненном пути. Без их тепла и поддержки я бы вряд ли смог написать эту книгу.

В завершение хочу заметить, что содержание рассказов *«Drive My Car»* и *«Yesterday»* претерпело незначительное изменение в сравнении с текстом, опубликованным в журнале. После выхода журнальной версии *«Drive My Car»* я получил жалобы от жителей населенного пункта[2], упомянутого

[2] Город Накатомбэцу в северно-западной части о. Хоккайдо. После публикации рассказа в декабрьском (2013) номере журнала шестеро местных депутатов поставили вопрос на обсуждение Собрания, но не получили поддержки большинства и, чтобы дать делу дальнейший ход, отправили в издательство письмо о «несоответствии фактов истине»: в их населенном пункте не принято выбрасы-

в том рассказе, после чего решил заменить название на другое. В *«Yesterday»* я получил недвусмысленное требование от обладателей авторских прав на эту песню. Мне тоже было что сказать (текст не имел никакого отношения к переводу, являясь плодом моего творчества), однако неприятности со стороной «Битлз» в мои планы никак не входили, поэтому я без колебаний значительно урезал текст, чтобы он впредь не вызывал нареканий. Ни то, ни другое особого отношения к сущности сборника не имело, и хорошо, что вопрос мирно разрешился простыми формальными мерами. Поэтому надеюсь и на ваше понимание тоже.

Март 2014 г.
Харуки Мураками

вать мусор на дорогу. История попала на страницы местных газет, но уже через два дня (7 февраля 2014 г.) автор высказал свое сожаление и пообещал изменить название в книжном варианте. В свою очередь, на депутатов обрушился поток недовольства со стороны поклонников творчества писателя, обвинявших депутатов в невежестве и излишней придирчивости.

Drive My Car

Кафуку нередко подвозили знакомые женщины, которых он по манере езды стал со временем разделять на стихийных лихачей и опасливых тихонь (последние, к счастью, попадались значительно чаще). В целом, женщины водят аккуратнее и осторожнее мужчин. Разумеется, никто их за это не осуждает, но они порой такой манерой ездить раздражают тех, кто позади.

В свою очередь женщины-лихачи, похоже, уверовали в собственную виртуозность. Сплошь и рядом они презирают опасливых тихонь, хвастливо полагая, будто ездить, как прежде, осмотрительно сами уже не смогут. При этом они даже не подозревают: стоит им включить поворотник, чтобы перестроиться в другой ряд, и окружающие водители с замиранием сердца – или же крепко выражаясь – лихорадочно давят на тормоз.

Разумеется, бывают исключения, когда женщины водят машину вовсе не лихо и не чересчур осторожно – обычно. Среди таких тоже немало опытных водителей, но даже от них веет непреходящей скованностью. Кафуку вряд ли мог объяснить, отчего, но стоило ему устроиться рядом с водителем, как он начинал улавливать скрытую опасность и не находил себе места. У него пересыхало в горле, и, чтобы разрядить неловкую паузу, он пускался в никчемную болтовню.

Среди мужчин тоже есть и надежные водители, и чайники. Но их вождение в целом не напрягает. Никто не говорит, что они все сплошь расслаблены, стоит им оказаться за рулем. Возможно, они скованны так же, но в силу мужского естества и, вероятно, на подсознании способны разделять эту скованность и вождение. Сосредоточенно сжимая руль, они беседуют с ездоком и вообще ведут себя как ни в чем не бывало с таким видом, будто одно другому не мешает. Откуда такая разница в поведении, Кафуку было невдомек.

Обычно Кафуку не проводил особой грани между мужчинами и женщинами, да и не видел большой разницы в их способностях. Женщин среди его коллег было нисколько не меньше мужчин, и с ними Кафуку работалось даже спокойнее. Они были внимательны в деталях, умели слушать. Но стоило ему оказаться в машине, которой управляет женщина, и Кафуку отчетливо понимал, кто крутит баранку. Впрочем, опасениями своими он ни с кем не делился, считая их не самой подходящей темой для беседы.

Поэтому когда в разговоре с хозяином автомастерской по фамилии Ооба он обмолвился, что ищет шофера, и тот порекомендовал знакомую девушку, у Кафуку не получилось натянуть на лицо даже подобие улыбки. Заметив это, Ооба усмехнулся, как бы говоря: «Старик, я тебя понимаю!»

– Однако, господин Кафуку, водитель она отменный. Могу поручиться. Хотите – убедитесь сами.

– Хорошо, спасибо за предложение, – ответил Кафуку. Он хотел найти шофера как можно скорее, к тому же доверял Ообе, с которым был знаком уже пятнадцать лет. С жесткими, как иглы, волосами, Ооба напоминал чертенка. Он прекрасно разбирался в машинах, и к его советам прислушивались.

– Тогда я на всякий случай проверю схождение, и если там все в порядке, машина будет готова послезавтра к двум часам. Скажу той знакомой, чтобы тоже пришла, заодно проверите ее навыки. Если не подойдет, так и скажите – не обижусь.

– Сколько ей лет?

– Около двадцати пяти. Я особо не интересовался, – ответил Ооба. Затем слегка нахмурился и продолжил: – Но, как я уже говорил, водитель она, в общем-то, что надо. Вот только…

– Что?

– Как бы это сказать… не без тараканов…

– И что это за тараканы?

– Грубовата в общении, молчунья и смолит, как паровоз. Увидите – сразу поймете: далеко не красавица, почти не улыбается, и, по правде говоря, может показаться бесцеремонной.

– Это не страшно. Наоборот, хорошо, что без лоска – мне лишние пересуды ни к чему.

– Ну, тогда в самый раз.

– Главное, чтобы водила хорошо, верно?

– За это не беспокойтесь. Не в том смысле, что для женщины она… просто и вправду очень способная.

– Она сейчас где-то работает?

– Я толком не знаю. То подрабатывает в комбини[3], то шоферит на почте – так, перебивается от случая к случаю. Но в любой момент может отказаться, если предложат что-нибудь получше. Пришла ко мне по знакомству, а у нас самих дела не ахти, чтоб нанимать кого-то еще. Иногда обращаемся к ней, если возникает запарка. А что, на нее можно положиться. К тому же совсем не пьет.

При упоминании об алкоголе Кафуку слегка смутился и непроизвольно коснулся пальцем губ.

– Хорошо, тогда послезавтра в два, – сказал он на прощание. Грубоватость, молчаливость и непривлекательность девушки подогревали его любопытство.

Через день в два часа пополудни желтый кабриолет «Сааб 900» дожидался своего хозяина. Вмятины на правом крыле как не бывало. И краска подобрана так, что переход незаметен. Кроме того, в мастерской проверили двигатель, настроили сцепление и заменили тормозные колодки и резинки дворников. Кузов сиял полиролью, поблескивали начи-

[3] Комбини *(яп.)* от англ. convenience store – круглосуточный мини-магазин, торгующий предметами первой необходимости.

щенные диски. Работа Ообы, как всегда, была безупречна. За двенадцать лет кабриолет разменял вторую сотню тысяч, брезентовая крыша местами прохудилась и в дождливые дни протекала. Но менять машину Кафуку не собирался – «Сааб» служил ему все эти годы верой и правдой без серьезных поломок. Кафуку любил свою машину и круглый год ездил с открытым верхом. Зимой укутывался в теплое пальто, наматывал на шею шарф, летом нахлобучивал шляпу и цеплял солнцезащитные очки. С легкостью орудуя рычагом передач, он колесил по дорогам Токио, а на светофорах вальяжно задирал голову, разглядывая то караваны облаков, то стайки птиц на проводах. Без такой езды он не мыслил своей жизни. Кафуку неспешно обошел вокруг машины, пытливо проверяя каждую мелочь, точно жокей, осматривающий лошадь перед заездом.

Когда он покупал этот «Сааб», жена еще была жива. И желтый цвет – ее выбор. Первые годы они часто выезжали вдвоем. Жена не водила – уступила это право мужу. Несколько раз они ездили на экскурсии в Хаконэ, на полуостров Идзу, к высокогорью Насу[4]. Однако потом лет десять он всегда ездил один. После смерти жены встречался с разными девушками, но прокатить хоть кого-то из них в машине случай так ни разу и не выпал. С тех пор Кафуку выбирался за город только по работе.

– Местами уже ветшает, но еще послужит, – сказал Ооба,

[4] Традиционно излюбленные места отдыха жителей токийского региона.

потирая ладонью приборную панель, точно гладил по холке большую собаку. – Надежная машина. Да, «шведки» в ту пору делали на совесть! Поглядывайте за электросистемой, а остальное работает как часы – я проверил.

Кафуку поставил подпись в документах, а пока ему разъясняли детали счета, пришла та девушка. Среднего роста, не упитанная, но при этом широка в плечах и корената. Справа на шее лиловым отливало родимое пятно размером с крупную оливку, но девушка, похоже, даже не пыталась его никак прикрыть. Густая копна черных как смоль волос аккуратно подобрана. «Да, Ооба был прав – далеко не красавица», – отметил про себя Кафуку, едва рассмотрев ее грубые черты. На щеках местами остались рытвины после прыщей. Взгляд ясный, только какой-то недоверчивый. И большие глаза лишь подчеркивали его глубину. Большие уши оттопырены, будто локаторы на пустыре. На ней был мужской пиджак в «елочку», несколько плотный для мая, коричневые брюки и черные кеды «*Converse*». Под пиджаком – белая сорочка с длинным рукавом, скрывавшая довольно пышную грудь.

Ооба представил Кафуку. Ее назвал по фамилии – Ватари.

– Мисаки Ватари. Имя пишется хираганой[5]. Если нужно, могу заполнить анкету, – заявила она с явным вызовом.

Кафуку покачал головой:

---

[5] Обычно имена составляются из двух, реже трех иероглифов, что дает выбор для комбинирования. Однако в последние годы нередко встречаются имена, регистрируемые азбукой хирагана, что упрощает их написание.

– Нет, пока не нужно. Ты ведь можешь ездить на коробке?

– Мне нравится ездить на коробке, – холодно ответила она. Как если бы закоренелого вегетарианца спросили: вы любите латук?

– Модель старая – без навигации.

– Она и не нужна. Мне приходилось развозить почту, поэтому вся география столицы у меня в голове.

– Что ж, тогда немного проедемся по округе? Погода хорошая – можно открыть крышу.

– Куда ехать?

Кафуку задумался.

– Мы в районе Синохаси. На перекрестке перед храмом Тэнгэндзи повернем направо, спустимся на подземную парковку магазина «Мэйдзия», за покупками. После поднимемся к парку Арисугава, проедем перед Посольством Франции, потом на улицу Мэйдзи и вернемся.

– Понятно, – ответила она и без лишних вопросов взяла у Ообы ключи, проворно настроила сиденье и зеркала, словно прекрасно знала, где и какие кнопки надавить. Выжав сцепление, проверила скорости, достала из нагрудного кармана и надела очки «*Ray-Ban*», после чего слегка кивнула Кафуку, дав понять, что готова.

– Кассетный магнитофон? – как бы усомнилась она, бросив взгляд на центральную консоль.

– Да, мне нравится кассетник, – ответил Кафуку. – Куда удобней, чем все эти компакты. И помогает учить слова ро-

ли.

– Давно не попадался…

– Когда я получил права, еще ставили восьмидорожечные.

Мисаки промолчала, но по выражению ее лица Кафуку понял: о таком она слышит впервые[6].

Как и гарантировал Ооба, она оказалась превосходным шофером. Плавно переключая передачи, Мисаки словно чувствовала машину. Движение местами замедлялось, нередко приходилось ждать на светофорах, но она, казалось, старалась лишний раз не задирать обороты. Кафуку это понял, наблюдая за тем, как скользит ее взгляд. Однако стоило закрыть глаза, и переключения скоростей он уже не ощущал. Определить, на какой передаче они едут, можно было, лишь вслушиваясь в мотор. На педали газа и тормоза она давила мягко и аккуратно. Но что больше всего понравилось Кафуку – эта девушка вела машину без малейшего напряжения. Казалось, она чувствует себя за рулем куда увереннее, чем без него. Черты лица ее уже не казались грубыми, как при встрече, взгляд стал чуточку мягче. И только скупость на слова оставалась прежней – Мисаки только отвечала на вопросы.

Однако Кафуку это не напрягало. Он тоже не блистал

---

[6] «Восьмидорожечные кассеты» (Stereo 8) – один из форматов магнитофонных картриджей, изобретен в США в 1964 г. Кассеты этого формата массово выпускались до 1982 г., мелкими сериями – до 1986-го, в основном для коллекционеров. Пик популярности пришелся на конец 1960-х – 1970-е гг. Широко применялся в автомобильных проигрывателях и магнитолах.

красноречием. Конечно, мог поддержать интересный разговор с хорошими знакомыми, но в остальных случаях предпочитал промолчать. Утонув в кресле, он рассеянно разглядывал проплывавшие мимо городские пейзажи. И если раньше он видел их мельком, сжимая в руках руль, то теперь они воспринимались иначе, выразительнее.

На улице Гайэнниси, вечно полной машин, он для проверки навыков велел Мисаки втиснуть «Сааб» между припаркованных на обочине машин, и она уверенно выполнила все в точности. Мисаки оказалась смекалистой девушкой с превосходной реакцией. На долгих светофорах она курила – судя по пачке, предпочитала «Мальборо». Стоило загореться зеленому, сразу тушила сигарету, чтобы не отвлекаться на ходу. Следов помады на окурке не оставалось. Маникюр Мисаки не делала и обходилась практически без макияжа.

– Ничего, если я задам несколько вопросов? – заговорил Кафуку, когда машина проезжала парк Арисугава.

– Пожалуйста, – ответила Мисаки.

– Где ты училась ездить?

– Я выросла в горах Хоккайдо. За рулем лет с шестнадцати. В тех краях без машины никак. Городок расположен в котловине, солнце быстро уходит за гору, на дорогах почти полгода гололед. Не захочешь, а научишься водить безопасно.

– Но в горах парковаться вдоль дороги ведь негде?

Она ничего не ответила, решив пропустить эту глупость

мимо ушей.

– Ооба-сан говорил, зачем мне срочно понадобился шофер?

Мисаки, глядя прямо перед собой, монотонно произнесла:

– Вы – актер, шесть дней в неделю играете в театре. Ездите туда на машине, потому что не любите ни метро, ни такси. И еще потому, что в машине учите роль. Однако недавно вы столкнулись с другой машиной и временно лишились прав. По двум причинам: из-за малой дозы алкоголя и проблемы со зрением.

Кафуку кивнул так, будто ему пересказывали чужой сон.

– По требованию полиции провели медицинскую экспертизу, и офтальмолог обнаружил признаки глаукомы. Будто у вас в поле зрения появилось слепое пятно. В правом углу. Но раньше вы это никак не ощущали… Алкоголя в крови оказалось немного, поэтому езду в нетрезвом виде удалось замять, не допустив утечки информации в прессу, а вот замолчать дефект зрения не удалось. В таком состоянии есть риск не заметить машину, если она обгоняет справа, попадая в мертвый угол обзора. И пока вы не справитесь с этим недугом, садиться за руль вам строго противопоказано… Господин Кафуку, – обратилась Мисаки, – вас так и называть «господин Кафуку»? Это ваша настоящая фамилия?

– Настоящая, – ответил он. – Благозвучная, но блага от

нее никакого[7]. Среди предков – ни одного богатея хотя бы средней руки.

Повисло молчание, затем Кафуку сообщил Мисаки, сколько ей будут платить в месяц. Сумма не велика, но большего агент Кафуку позволить себе не мог. Имя Кафуку было известно в определенных кругах, но главных ролей в фильмах и сериалах ему не предлагали, а гонорары театральных актеров невелики. Для артиста уровня Кафуку персональный водитель, пусть и ненадолго, – исключительная роскошь.

– Часы работы могут меняться в зависимости от моего графика. Но последнее время я занят большей частью в спектаклях, и с утра, как правило, работы нет. Так что можешь спать хоть до обеда. Вечером постараюсь заканчивать не позже одиннадцати. Если придется задержаться, вызову такси. Раз в неделю у тебя будет выходной.

– Меня устраивает, – ответила прямо Мисаки.

– Работа совсем не трудная. Поди куда труднее будет дожидаться, маясь от безделья.

Мисаки ничего не ответила, только поджала губы. Взгляд говорил, что в жизни ей приходилось и потруднее.

– Когда крыша открыта, можешь курить – мне все равно. Но при закрытой – извини.

---

[7] Кафуку *(яп.)* – фамилия, два иероглифа которой «дом, семья» и «счастье, удача, благосостояние» обычно читаются как «Иэтоми». Однако автор намеренно использовал нетипичное для имен собственных чтение иероглифов, в результате чего получилась фамилия, созвучная с фамилией почитаемого им писателя.

– Понятно.

– Есть какие-то пожелания?

– В общем-то, нет…

Она слегка улыбнулась и, вдохнув полной грудью, переключила передачу на пониженную. Затем продолжила:

– …Раз эта машина мне по душе.

Остаток пути они ехали молча. Когда вернулись в мастерскую, Кафуку отозвал Ообу в сторонку и сказал, что девушка ему подходит.

На следующий день в половине четвертого Мисаки выгнала желтый «Сааб» из подземного гаража дома на Эбису, где жил Кафуку, и отвезла артиста в театр на Гиндзе.

В погожие дни крыша автомобиля оставалась открытой. По пути в театр Кафуку, откинувшись на спинку пассажирского сиденья, повторял под запись на кассете свои фразы из пьесы – постановки чеховского «Дяди Вани», перенесенного в Японию эпохи Мэйдзи. Заглавную роль играл Кафуку. Реплики он помнил наизусть, но для самоуспокоения ему требовалось повторять текст ежедневно, что со временем вошло в привычку. На обратном пути он часто слушал Бетховена, струнные квартеты – вечную музыку, пресытиться которой просто невозможно, и она служила прекрасным фоном для его раздумий, или чтобы отвлечься, когда не думаешь ни о чем. Когда хотелось чего-нибудь полегче, Кафуку ставил старый американский рок: «Бич Бойз», «Рэскалз», «Криденс»,

«Темптейшнз» – музыку своей молодости. Мисаки делиться своими эмоциями и впечатлениями не спешила, а понять по ее виду, нравятся ей эти ритмы, не переносит она их или же попросту не замечает, Кафуку был не в силах.

Обычно Кафуку держался на людях скованно и уж тем более не мог репетировать свою роль вслух. Однако присутствие Мисаки его не смущало, и в этом смысле ее внешняя холодная невозмутимость была как нельзя кстати. Как бы громко ни декламировал Кафуку, девушка за рулем вела себя так, будто ровным счетом ничего не слышит. А может, и в самом деле не слушала, думая только о дороге. Или же за рулем она погружалась в особое состояние нирваны.

Еще Кафуку не имел понятия, что она думает о нем самом: хоть немного, но приятен, или совершенно безразличен, или противен до отвращения, и она терпит его только ради работы. Хотя что бы она ни думала, ему было все равно. Ему нравилось, как она водит машину, а также устраивало, что она держится невозмутимо и не болтает лишнего.

После спектакля он быстро смывал с лица грим, переодевался и тотчас уходил из театра. Он не любил копаться, как другие, а дружбы с коллегами-актерами не водил. Звонил Мисаки на сотовый, чтобы подогнала машину к служебному выходу, и когда спускался вниз, там его уже дожидался желтый кабриолет. Около одиннадцати он возвращался к себе на Эбису. И так почти каждый день.

Была и другая работа: раз в неделю Кафуку снимался в

телесериале. Банальная криминальная сага, но рейтинг держался на высоте, да и платили неплохо. Он играл гадателя, который вечно спасает главную героиню – следователя. Чтобы вжиться в роль, он прямо в гриме несколько раз выходил на улицу и гадал прохожим. О его способностях успела пойти молва. Закончив к вечеру съемки, он, рискуя опоздать к началу, спешил прямиком на Гиндзу, в театр. В конце недели после дневного спектакля вел в театральной студии курс для начинающих актеров. Ему нравилось преподавать молодым. Возить его везде входило в обязанности Мисаки, и девушка его не подводила. Со временем артист привык ездить с ней на пассажирском месте. Порой даже мог по пути очень крепко заснуть.

Потеплело, и Мисаки сменила свой твидовый мужской пиджак на тонкий летний жакет. Садясь за руль, она непременно была в одном из них, заменявших ей шоферский мундир. С наступлением сезона дождей крышу кабриолета приходилось закрывать все чаще.

В пассажирском кресле «Сааба» Кафуку думал о покойной жене: после того как он нанял Мисаки, та просто не шла у него из головы. Жена была красивой, на два года младше и тоже актриса. Кафуку хоть и считался типажным актером, ему часто предлагали хара́ктерные роли второго плана. Лицо слишком длинное, смолоду лысоват – на главные роли Кафуку явно не тянул. В отличие от него, жена была подлинной красавицей, и список ролей был у нее подобающим, да

и гонорары под стать. Однако с годами его репутация актера с характерной манерой исполнения росла. Но даже при этом они уважали возможности и способности друг друга, и разница в популярности и доходах ни разу не стала поводом для размолвки.

Кафуку любил жену. С самой первой встречи – ему тогда было двадцать девять – она завладела его сердцем, и свое чувство к ней он сохранил до самой ее смерти в год его полувекового юбилея. За время супружеской жизни он ни разу ей не изменил. Случаи временами выпадали, только воспользоваться ими Кафуку даже не подумывал.

А вот она порой спала с другими мужчинами. Насколько знал Кафуку, всего их было четверо – тех, с кем она, по меньшей мере, периодически имела связь. Конечно, она держала язык за зубами, но Кафуку догадался почти сразу. У него было прекрасное чутье – к тому же, если любишь партнера по-настоящему, неладное не захочешь, а почуешь. Беседуя с женой, по ее тону Кафуку запросто вычислял любовников. Все они были актерами, снимались вместе с ней в кино и почти все младше ее. Закрутившись на время съемок, первый роман угас в аккурат к их завершению. И так, по схожему сценарию, повторялось еще трижды.

Зачем ей нужно было спать с другими мужчинами, Кафуку в ту пору понять не мог, как, впрочем, и теперь тоже. Поженившись, они поддерживали прекрасные отношения и как супруги, и как спутники жизни, старались доверять друг

другу. В свободное от работы время они часто и увлеченно о чем-нибудь разговаривали. Кафуку полагал, что они прекрасно гармонируют как духовно, так и сексуально. Окружающие считали их идеальной парой.

По-хорошему, ему бы решиться на разговор, пока жена еще была здорова. Он часто размышлял об этом, и однажды, за несколько месяцев до ее смерти, вопрос чуть не сорвался с его уст: «Ну что ты в них нашла? Чем не устраивал я?» Но видя, как жена, измученная болью, борется со смертью, так и не спросил. И вот она, ничего не объяснив, исчезла из мира, в котором остался жить ее муж. Незаданный вопрос и неполученный ответ. В гробовой тишине крематория, собирая прах жены[8], он крепко задумался. Так крепко, что вряд ли услышал бы чужой голос.

Несомненно, ему было горько представлять жену в объятиях любовников. Да и как иначе! Чуть закроешь глаза, как в сознании возникают всякие реальные сцены – а затем пропадают. Он не хотел представлять такого, но не мог не представлять. Воображение, как остро отточенный нож, неспешно и беспощадно продолжало кромсать его душу. Бывало, он воображал, как хорошо было бы жить в неведении. Но как бы то ни было, жил он по принципу разум побеждает невежество. И как бы ни пришлось страдать после, он не мог не узнать всего сейчас. Только познание может сделать челове-

[8] После кремации близкие родственники по старшинству перекладывают длинными палочками прах усопшего в погребальную урну.

ка сильнее.

Но куда горше даже не представлять, а жить обычной жизнью и не подавать виду, чтобы жена не догадалась, что ее тайна раскрыта. Держать на лице мягкую улыбку, покуда разрывается сердце и кровоточат невидимые раны. Заниматься как ни в чем не бывало повседневными делами, непринужденно беседовать – и при этом обнимать жену в постели. Пожалуй, простому смертному это не под силу. Но Кафуку – профессиональный актер. Оттачивать роль, позабыв о плотском, – его ремесло. И он играл, как мог. Свой бенефис без зрителей.

Однако в остальном, если не брать в расчет ее редкие тайные связи с другими мужчинами, супруги жили безмятежно и самодостаточно. Работа шла своим чередом, доход она приносила стабильный. Почти за двадцать лет совместной жизни они занимались любовью столько раз, что и не сосчитать, и Кафуку казалось – получали удовольствие. Уже после смерти жены, стремительно сгоревшей от рака матки, у Кафуку было несколько женщин; знакомство с ними продолжилось и в постели. Однако ту интимную радость, что прежде ему дарила жена, он так и не обрел, довольствуясь легким «дежавю» ощущений из прошлого.

Агентству Кафуку потребовались данные Мисаки, чтобы платить ей зарплату: дата рождения, домашний адрес и копия водительских прав. Оказалось, что она снимает кварти-

ру на Акабанэ, сама родом из города Ками-Дзюнитаки уезда N на Хоккайдо, и ей накануне исполнилось двадцать четыре. Кафуку не имел ни малейшего понятия, где расположен этот город на карте, большой он или маленький и какие там живут люди. И только от цифры двадцать четыре екнуло в сердце. У Кафуку была дочь. Прожила всего три дня, а на четвертую ночь умерла прямо в больнице. Внезапно, без малейших симптомов, перестало биться сердце. Наступило утро, а малышка уже не дышала. Врачи объяснили врожденным пороком сердца. Но как родители могли это проверить? Можно было бы докопаться до истинной причины, но ребенка уже не вернешь. К счастью или нет, младенцу даже не успели придумать имя. Если бы дочь не умерла, ей как раз исполнилось бы двадцать четыре. Каждый год в день рождения безымянного ребенка Кафуку уединялся, чтобы сложить ладони в молитве. И представить, какой бы выросла дочь.

Неожиданная потеря ребенка подкосила супругов. Окутавшая их пустота тяготила и угнетала. Чтобы прийти в себя, им требовалось время – долгое время. Они затворились в квартире и безмолвно коротали часы, понимая, что любые слова здесь напрасны. Жена пристрастилась к вину, он с головой ушел в каллиграфию. Выводя на белоснежной бумаге черной тушью иероглифы, Кафуку чувствовал, как с каждым взмахом кисти редеет мрак в его душе.

Поддерживая друг друга, супруги смогли пережить черную полосу в жизни и постепенно залечили душевную рану.

А потом, не жалея сил, вновь окунулись в работу.

– Прости, но я больше не хочу детей, – сказала она, и он с ней согласился:

– Тебе решать. Поступай, как знаешь.

Оглядываясь, Кафуку понял, что жена завела первого любовника после того их разговора. Может, такую потребность в ней пробудила потеря ребенка. Хотя это всего лишь его догадка. Как знать, как знать.

– Позвольте вопрос, – сказала Мисаки, пока Кафуку, задумавшись, разглядывал пейзаж за окном. Он с удивлением посмотрел на девушку. За те два месяца, что они ездили вместе, Мисаки заговорила первой едва ли не впервые.

– Да, конечно, – ответил он.

– Почему вы стали актером?

– Когда учился в институте, подруга уговорила меня записаться в студенческий театральный кружок. Никакой тяги к лицедейству у меня прежде не было. Вообще я хотел пойти в бейсбольную секцию. В старших классах играл в основном составе шорт-стопом и неплохо справлялся в защите. Но уровень нашей институтской команды оказался мне не по зубам. Вот и решил смеха ради попробовать себя на сцене. Ну и чтобы чаще бывать с той подружкой. Со временем понял, что втянулся и мне просто нравится играть. Ведь когда играешь роль, проживаешь жизнь своего героя. А затем выходишь из образа. И мне это нравилось.

– Вам нравится перевоплощаться?

– Если знать, что вернешься.

– А бывает, что возвращаться не хочется?

Кафуку задумался. Такой вопрос ему задали впервые. «Сааб» застрял в пробке перед съездом с городской трассы возле развилки Такэбаси.

– Так ведь больше некуда! – удивленно воскликнул Кафуку.

Мисаки промолчала.

Повисла пауза. Кафуку снял с головы бейсболку, оглядел ее и опять нахлобучил на голову. Рядом с огромной фурой с бесчисленными колесами их желтый кабриолет выглядел детской игрушкой. Так, пожалуй, смотрится маломерный катерок, покачиваясь на волнах перед танкером.

– Может, я сую нос не в свое дело, но мне интересно, – заговорила спустя некоторое время Мисаки. – Ничего, если я спрошу?

– Давай.

– Отчего у вас нет друзей?

Кафуку повернул голову и заинтригованно посмотрел на Мисаки.

– Откуда ты знаешь, что у меня нет друзей?

Она слегка пожала плечами.

– За два месяца, что я вас вожу, понять несложно.

Кафуку перевел свой взгляд на фуру и разглядывал громадное колесо. Затем сказал:

– Признаться, у меня нет настоящих друзей уже очень давно.

– Что, прямо с детства?

– Ну почему? В детстве были приятели. Мы играли в бейсбол, ходили купаться. А когда я стал взрослым, потребности в друзьях уже не ощущал. Особенно после женитьбы.

– В смысле, с появлением жены необходимость в них отпала?

– Может, и так. Ведь мы с ней были хорошими друзьями.

– Сколько вам стукнуло – в смысле, когда поженились?

– Тридцать. Снимались в одном фильме, так и познакомились. У нее была роль второго плана, а у меня – в эпизоде.

Машина еле ползла вперед в длинной пробке. Крышу перед заездом на трассу, как обычно, закрыли.

– Кстати, ты что, совсем не пьешь? – поинтересовался Кафуку, чтобы сменить тему.

– Организм не принимает, – ответила Мисаки. – К тому же мамаша из-за алкоголя нажила себе массу неприятностей. Может, и это сказывается.

– Что, по-прежнему пьет?

Мисаки несколько раз помотала головой.

– Она померла. Села по пьяни за руль и не справилась с управлением. Машина в занос, вылетела в кювет и прямо в дерево. Скончалась на месте. Мне тогда было семнадцать.

– Извини, – сказал Кафуку.

– Сама во всем виновата, – без обиняков ответила Миса-

ки. – Когда-нибудь это все равно произошло бы. Рано или поздно. Разница лишь в этом.

На время воцарилась тишина.

– А отец?

– Я не знаю, где он. Когда мне было восемь, ушел из дому – и с концами. Больше его не видела. От него тоже никаких вестей. Мать мне это ставила в укор.

– За что?

– Я у них одна. Уродись симпатичней, отец вряд ли бы нас бросил. Мать постоянно меня этим попрекала. Мол, родилась страхолюдиной, вот он нас и бросил.

– Никакая ты не страхолюдина, – тихо сказал Кафуку. – Просто матушка вбила это себе в голову.

Мисаки опять лишь слегка пожала плечами.

– Вообще она не была такая. Но как выпьет – начинала нудить, и ее как заедало. Меня это сильно ранило. Когда она умерла, простит меня бог, но я, признаться, вздохнула свободно.

Следующая пауза оказалась еще длиннее.

– У тебя есть друзья? – спросил Кафуку.

Мисаки покачала головой:

– Нет.

– Почему?

Она не ответила – только уставилась вперед, прищурившись.

Сомкнув глаза, Кафуку попытался уснуть, но не спалось.

Машина, едва притормозив, тут же трогалась и опять тормозила, и Мисаки раз за разом неутомимо переключала передачи. Словно роковая тень, то отставал, то нагонял «Сааб» фуру в соседнем ряду.

– В последний раз я завел дружбу лет десять назад, – отчаявшись уснуть и открыв глаза, сказал Кафуку. – Вернее сказать, подобие дружбы. Этот друг оказался неплохим мужиком. Лет на шесть или семь младше меня. Любил выпить, ну и я за компанию – о чем мы только с ним ни говорили под это дело.

Мисаки, слегка кивнув, ждала продолжения. Кафуку немного поколебался, но затем решительно произнес:

– Дело в том, что тот человек некоторое время спал с моей женой. Причем не подозревал, что я об этом знаю.

До Мисаки дошло не сразу.

– В смысле, он что, занимался с ней сексом?

– Ну да! Полагаю, несколько раз за три или четыре месяца.

– И как вы об этом узнали?

– Она, конечно, скрывала, но я просто догадался. Объяснять как – долго, но это точно. Я такого себе не придумал.

Мисаки, пока машина остановилась, поправила обеими руками зеркальце заднего вида.

– А то, что он спал с вашей женой, не мешало с ним дружить?

– Как раз наоборот! – воскликнул Кафуку. – Я с ним потому и подружился, что он с ней спал.

Мисаки молча ждала пояснения.

– Как бы это сказать… мне хотелось понять: как так вышло, что она улеглась с ним в постель? Зачем ей это понадобилось? По крайней мере, это первое, что подстегнуло меня с ним подружиться.

Девушка глубоко вздохнула. Под пиджаком медленно поднялась и опустилась ее грудь.

– Вам, наверное, было неприятно? Выпивать и разговаривать, зная, что он совершил?

– Конечно, неприятно, – ответил Кафуку. – Размышлять о том, о чем вообще не хочется думать, вспоминать о том, что хотелось бы забыть. Но я играл. Ведь это моя работа.

– Входить в чужой образ?

– Да.

– А потом из него выходить?

– Именно так, – сказал Кафуку. – Тут уж не захочешь, а выйдешь. Но, вернувшись, сразу понимаешь, что оказался не совсем там, откуда пришел. Это правило. В одну реку дважды не войдешь.

Заморосило, и Мисаки включила дворники.

– И как – вы поняли, почему ваша жена спала с тем человеком?

Кафуку покачал головой:

– Нет, так и не понял. Думаю, было в нем что-то такое, чем не мог похвастать я. Или даже много чего. Но чем именно он ей приглянулся, остается только гадать. Ведь мы не

можем видеть все насквозь. Взаимоотношения людей, в особенности мужчин и женщин, как бы это сказать… необходимо рассматривать шире. В них все запутаннее, эгоистичнее и невыносимее.

Мисаки задумалась над этими словами, потом сказала:

– Выходит, понять не смогли, но остались друзьями?

Кафуку опять снял бейсболку и, положив ее на колено, потер ладонью темя.

– Как бы тут выразиться… Стоит начать играть всерьез, и уже непросто найти повод, чтобы закончить. Как бы ни было тяжко на душе, до тех пор, пока представление не перевалит смысловой апогей, его течение остановить невозможно. Примерно то же самое в музыке: не достигнув определенной гармонии, произведение вряд ли закончится на правильной ноте. Понимаешь, о чем я?..

Мисаки достала из пачки сигарету, зажала ее губами, но не прикуривала. Когда крыша машины была опущена, она не курила никогда – только держала сигарету в губах.

– Они тогда еще продолжали встречаться?

– Нет, уже не встречались, – ответил Кафуку. – Иначе это было бы… чересчур виртуозно. Я подружился с ним уже после смерти жены, спустя некоторое время.

– Вы что, и вправду стали с ним друзьями? Или это была только игра?

Кафуку задумался.

– И то, и другое. И я сам перестал улавливать ту грань.

Вот что значит играть всерьез.

Кафуку с первой встречи почувствовал расположение к тому человеку по фамилии Такацуки – своеобразному «актеру второй дощечки»[9]; высокого роста и с правильными чертами лица. Хотя Такацуки разменял пятый десяток, играл он весьма посредственно. Личность без изюминки. Диапазон ролей ограниченный – в пределах приятного на вид бодрячка средних лет. Такие пользуются успехом у дам бальзаковского возраста. Кафуку неожиданно для себя познакомился с ним на телестудии – примерно через полгода после смерти жены. Такацуки зашел к нему в гримерку представиться и выразить соболезнования.

– С вашей супругой мне как-то раз довелось сниматься вместе в кино. Она мне тогда во многом помогла, – сказал он мягким голосом.

Кафуку поблагодарил. Хронологически, насколько он знал, Такацуки завершал список мужчин, имевших связь с его женой; расставшись с ним, она вскоре легла в больницу, где у нее выявили рак в прогрессирующей стадии.

– У меня есть к вам одна нескромная просьба, – обратился Кафуку после того, как покончили с приветствиями.

---

[9] «Нимаймэ хайю» *(яп.)* – так называли в любовных драмах «вагото» театра Кабуки актеров, игравших роль молодых красавцев, где «хайю» означает «актер», «нимаймэ» – букв. «вторая дощечка». Перед входом в театр вывешивали дощечки с именами действующих лиц, и вторым по порядку номером (вслед за главным персонажем) обычно указывали молодого героя – красавца-любовника.

– Что за просьба?

– Можете мне уделить немного времени? Хочу пригласить вас где-нибудь посидеть и вспомнить о жене. Она часто о вас говорила.

Такацуки от неожиданности опешил. Правильнее сказать – испытал шок. Он слегка повел четко очерченными бровями и осторожно покосился на Кафуку, как бы взвешивая, в чем здесь может крыться подвох. Но никаких особых подсказок во взгляде Кафуку не обнаружил – на него лишь спокойно смотрел человек, не так давно потерявший спутницу жизни; взгляд его был словно поверхность пруда, на котором улеглись все волны до единой.

– Мне нужен собеседник, с кем я мог бы поговорить о жене, – добавил Кафуку. – А то сидишь дома в одиночестве – и, признаться, становится невыносимо. Если вам это не в тягость…

После этих слов у Такацуки, как показалось, отлегло на сердце – его связь вне подозрений.

– Ну почему в тягость? Конечно же, найдется время, раз такое дело. Если вас устроит никудышный собеседник вроде меня, – сказал Такацуки и слегка улыбнулся. В уголках его глаз сложились морщинки умиления. Улыбка его оказалась прямо-таки чарующей. «Будь я дамой в возрасте, – подумал про себя Кафуку, – наверняка бы зарделся».

Такацуки мысленно пробежался по своим планам.

– Завтра вечером я как раз никуда не спешу и мог бы со-

ставить компанию. Что скажете?

Кафуку ответил, что вечер у него свободен, а сам был в восхищении: «Как же прозрачен этот человек. Стоит лишь заглянуть внутрь, а там все чувства как на ладони. Никаких подводных камней и коварства. Такие не роют яму другим. Но как актер он вряд ли был успешен».

– Где встретимся? – спросил Такацуки.

– Выбирайте сами. Куда скажете, туда и приеду, – ответил Кафуку.

Такацуки предложил один известный бар на Гиндзе.

– Если заказать отдельную кабинку, можно спокойно беседовать, не переживая, что нас будет слышно, – пояснил свой выбор Такацуки.

Кафуку знал это место. Они пожали руки и расстались. Рука Такацуки была мягкой, пальцы – длинные и тонкие. Ладонь – теплая и, как показалось Кафуку, слегка влажная от пота. Вероятно, от напряжения.

Проводив Такацуки взглядом, Кафуку опустился на стул, раскрыл ладонь правой руки и пристально уставился на нее. Там еще свежо ощущение от прикосновения руки Такацуки. «Та самая рука, те пальцы, что ласкали нагое тело жены, – подумал Кафуку. – Неспешно, все места». И, закрыв глаза, он глубоко и протяжно вздохнул, пытаясь осознать, что же он такое замыслил. Но так или иначе, не сделать этого он не мог.

В тихой кабинке бара, за бокалом односолодового виски

Кафуку понял одно: Такацуки все еще без ума от его жены. И до сих пор не может осознать, что она умерла, а плоть ее стала прахом. В этом Кафуку мог его понять. За разговорами о жене Кафуку глаза Такацуки подчас влажнели от слез. Еще немного, и, глядя на это, Кафуку растрогался бы сам. Такацуки не удавалось скрывать свои чувства. Казалось, немного подначить – и он во всем признается.

Со слов Такацуки Кафуку понял, что о разрыве отношений заговорила жена. Вероятно, она так и сказала: «Думаю, нам лучше расстаться». И больше встреч не искала. После нескольких месяцев связи на стороне в какой-то момент сама разорвала эту связь. С такими решениями вообще нельзя затягивать. Кафуку считал, это вполне в духе его супруги. Однако Такацуки не был готов так просто взять и ее потерять – он рассчитывал на продолжение романа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.